

Эла Завейская

Единственный
Пленник
на день рождения

18+

Эла Завейская

**Таинственный пленник
на день рождения**

«Автор»

2026

Завейская Э.

Таинственный пленник на день рождения / Э. Завейская —
«Автор», 2026

Я погибла, спасая ученика, и очнулась в теле самой жестокой госпожи Империи — мира, где власть принадлежит женщинам. Теперь у меня пятеро рабов и тридцать дней до Испытания Дома. Здесь доброту считают слабостью, а слабую госпожу ждёт смерть, вместе с теми, кто ей принадлежит. Мои рабы готовы сделать всё, чтобы я выдержала Испытание. Вот только один из них смотрит на меня так, что я всё чаще забываю, кто здесь должен подчиняться. И только он знает правду: настоящая хозяйка этого тела умерла в ту ночь, когда появилась я. А её убийца всё ещё где-то рядом.

Содержание

Глава 1. Семнадцатый удар	5
Глава 2. Правила дома	9
Глава 3. Сестра	13
Глава 4. Первый урок	17
Глава 5. Цена мягкости	20
Глава 6. Уроки Госпожи подписка	23
Глава 7. Бал Матерей	30
Глава 8. Яма	34
Г	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эла Завейская

Таинственный пленник на день рождения

Глава 1. Семнадцатый удар

«Или я, или твой Ершов. Выбирай».

Сообщение от Олега приходит в семнадцать двадцать. Через десять минут загс заканчивает приём заявлений, а педсовет переходит к последнему пункту повестки: Ершов Дмитрий, пятнадцать лет, девятый «Б», огнетушитель, разряженный в кабинете химии.

Про педсовет я сказала Олегу ещё в понедельник. Он всё равно записал нас в загс на сегодня, на пять, потому что в четверг у него баня с друзьями.

Я пишу под столом: «Если я уйду, Диму исключат. Давай перенесём на следующую неделю?»

«Мама уже обзвонила всех родственников. Ты позоришь меня из-за малолетнего дебила».

Следом приходит третье: «Ключи оставлю у соседки. Позвонишь, когда расставишь приоритеты».

Я набираю: «Олег, подожди». Олег читает и выходит из сети.

— Ксения Андреевна. — Галина Петровна снимает очки и протирает их краем кофты. — Если Ершов ещё раз что-нибудь выкинет, разговор пойдёт уже о вас.

Двенадцать человек за длинным столом смотрят на меня. Я переворачиваю телефон экраном вниз.

— Я за него ручаюсь, — говорю я. — Значит, и отвечать буду я.

Галина Петровна ставит в протоколе галочку.

На этом педсовет заканчивается, а вместе с ним и моя репутация разумного человека.

Выхожу. На подоконнике сидит Дима: рыжая шапка натянута до бровей, на шее наушники, рюкзак висит на одной лямке. По его лицу я сразу вижу, что он слышал всё до последнего слова. Дверь нашей учительской закрывается плотно только в мечтах директора.

— Дим...

— Зачем? — Он спрыгивает с подоконника. — Вас теперь из-за меня сожрут.

— Подавятся. У меня красный диплом, он у них поперёк горла встанет.

Уголок его рта дёргается. За два года это третья его улыбка в моём присутствии. Потом он вспоминает, что улыбаться учительнице литературы — позор на всю параллель, натягивает наушники и бежит к выходу.

— Ершов! Зонт возьми!

Дверь хлопает. Я срываю с вешалки пальто и выхожу следом.

Ливень такой, что фонари на той стороне улицы расплываются в жёлтые пятна. Дима уже у перехода. Он смотрит на красный сигнал, машет на него рукой и срезает наискосок, прямо по проезжей части, ссутулив плечи. В ушах у него музыка. Я даже знаю, какая: в сентябре он дал мне послушать, и я сделала вид, что мне понравилось.

— Дима!

Музыка у него в ушах громче меня. Как и на уроках.

Из-за поворота выезжает машина. Фары освещают асфальт, рыжую шапку, белые провода наушников. Визжат тормоза. На такой воде затормозить можно только в теории, и это я понимаю раньше, чем успеваю испугаться.

Я бегу. Каблук подворачивается на бордюре, я отталкиваюсь другой ногой, хватаю Диму за рюкзак и толкаю вперёд со всей силой, какая есть у учительницы литературы в середине второй четверти. Дима летит на тротуар. Шапка слетает у него с головы.

Удар приходит сбоку.

Меня подбрасывает и переворачивает, и асфальт оказывается у самого лица. Дождь падает в открытые глаза. Последнее, что я вижу, — рыжая шапка на мокром асфальте. Кто-то кричит. Кажется, Дима. Кажется, он зовёт меня по имени-отчеству.

Потом становится тихо и темно.

Мне тепло.

Это первое, что я чувствую, и это странно: секунду назад на меня лил ноябрьский дождь.

Вода доходит мне до подбородка и пахнет розами. Вокруг плавают лепестки, они липнут к плечам и к груди. Горят свечи, и по мраморным стенам ходят блики.

Я лежу в ванне размером с мою кухню.

Поднимаю руку из воды. Пальцы длинные, на трёх кольца с тёмными камнями, ногти покрашены в цвет вина. Свои ногти я стрижу коротко, чтобы не мешали. Но рука двигается, когда я этого хочу. Значит, рука моя.

— Госпожа.

Я поворачиваю голову на голос.

У края ванны на коленях стоит мужчина. Он обнажён по пояс и повернут ко мне впол-оборота, так что я вижу его спину. Рубцы ложатся один на другой, на некоторых выступила кровь.

Больше десяти.

На шее у него чёрный ошейник, под кадыком тускло светится белый камень. Мужчина оборачивается и протягивает мне плеть на обеих ладонях, рукоятью вперёд.

— Госпожа, вы остановились на семнадцатом ударе.

Рукоять плети обмотана шнуром, и шнур вытерт до блеска ладонью.

Мужчина поднимает серые глаза и смотрит на меня с таким вниманием, что мне хочется натянуть лепестки до подбородка. Мне стыдно сразу за двоих: за себя, потому что я замечаю, как он красив, и за того, кто исполосовал ему спину.

Он ждёт.

Я выхватываю плеть и швыряю через всю купальню. Она шлёпается о мрамор и уезжает под скамью. А потом я кричу тем голосом, который в школе берегу для пожарной тревоги, и слышу, что голос тоже чужой: ниже моего, с хрипотцой.

Мужчина остаётся на коленях и смотрит, как я кричу.

За дверью грохочут шаги, створки распахиваются, и в купальню вваливается великан с ножом для мяса в кулаке. Он пригибается под притолокой и всё равно задевает её бритой макушкой. За ним вбегает юноша в шёлковой рубашке нараспашку, золотые кудри растрёпаны со сна. Следом входит худой мужчина с сумкой через плечо и с лицом человека, которого будят третий раз за ночь. Последним появляется темноволосый мальчишка лет девятнадцати. Он замирает на пороге и опускает глаза в пол. У всех на шеях ошейники с белыми камнями.

Я тут же понимаю, что знаю по имени каждого. А ещё я знаю о каждом что-то, чего знать не должна.

«Брам. Бывший гладиатор. Обошёлся дёшево, ест за троих». «Ноэль. Певчая птичка. Самая дорогая покупка и самая удачная». «Сайлас. Лекарь. Слишком умён для раба». «Тиан. Новенький. Скоро его очередь».

Голос в голове мой, и он чужой. Он растягивает слова с ленивой насмешкой, и у меня стынет спина, хотя вода горячая.

Имя того, кто стоит на коленях, приходит последним. Корвин. Вместе с именем приходит желание поднять плеть с пола. Желание чужое, и от него меня мутит.

— Госпожа! — Ноэль падает на колени прямо в лужу и хватается мою руку. — Что случилось? Кто посмел?

Брам обводит купальню взглядом, ищет, кого зарезать, и находит только Корвина. Нож медленно опускается.

— Вызовите скорую, — говорю я.

Я говорю на этом языке легко, с правильным выговором, и слышу его впервые в жизни. «Скорая» в нём превращается в «быструю повозку». Ноэль хлопает ресницами.

— Повозку? Госпожа желает уехать? Ночью?

— Госпоже привиделся дурной сон, — говорит Корвин, глядя мне в лицо, и поднимается с колен.

— Мне нужно зеркало.

Ноэль помогает мне выбраться из воды, накидывает на плечи шёлковый халат и ведёт к зеркалу под локоть. Я ступаю по мрамору, оставляя за собой мокрые следы и лепестки.

Из бронзовой рамы на меня смотрит женщина лет двадцати пяти. Чёрные волосы падают мокрыми прядями до пояса. Лицо узкое, скулы высокие, брови вразлёт, рот капризный, глаза зелёные. Красота у неё такая, что при виде её хочется проверить, на месте ли кошелек.

Я трогаю щёку, и она трогает щёку.

Вообще-то у меня веснушки и морщинка между бровей от проверки сочинений. У этой женщины морщинка в уголке рта. Она появилась от привычки улыбаться одной стороной губ, когда кому-то больно. Это знание приходит ко мне из её памяти.

За спиной звякает металл. Сайлас поднял с бортика ванны кубок и держит его у носа. Потом проводит пальцем по дну и растирает между подушечками что-то серое.

— Кто подавал вино?

У двери падает подсвечник. Тиан бросается его поднимать, и я вижу, что руки у него трясутся.

— Вино стояло здесь с вечера, — говорит Корвин. — Госпожа наливала себе сама.

Сайлас подходит ко мне, берёт двумя пальцами за подбородок, без всякого почтения, и поворачивает лицом к свету. Оттягивает веко, прикладывает пальцы к шее под ухом.

— Губы синели? — бросает он через плечо.

— Синели, — отвечает Корвин.

На лице Сайласа впервые появляется что-то живое: удивление пополам с профессиональной обидой.

— В вине яд. Этой дозы хватило бы на Брама. Вам, Госпожа, полагается лежать на дне ванны среди лепестков. Простите мою дерзость, но я впервые вижу, чтобы яд передумал.

Ноэль прижимает ладони ко рту. Тиан у двери белеет и вжимается спиной в косяк.

Пятеро мужчин в ошейниках ждут, что скажет хозяйка купальни, гарема и, судя по всему, чужого тела. Что сказала бы она, мне остаётся только гадать. Зато я прекрасно знаю, что говорит классная руководительница, когда в кабинете разбилось окно и тридцать человек ждут её слова.

— Все свободны, — говорю я пятерым рабам и только потом слышу, что сказала. — Сайлас, кубок оставьте. Брам, положите нож. Ноэль, отпустите мой локоть, пожалуйста.

Слово «пожалуйста» пугает их сильнее яда.

Брам кладёт нож на скамью и уходит первым, пригнув голову. Сайлас бросает на меня цепкий взгляд и уходит следом. Тиан исчезает раньше, чем я успеваю к нему повернуться. Ноэль пятится до самой двери, и губы у него дрожат.

Корвин закрывает створки за Ноэлем, задвигает засов и остаётся внутри.

Он выше меня на голову и шире в плечах раза в два. На груди, под ключицей, темнеет руна из трёх ломаных линий. Камень в ошейнике теперь горит ярче.

Он наклоняется, достаёт из-под скамьи плетъ, сворачивает её в кольцо и кладёт рядом с ножом Брама. Он двигается медленно, и каждое его движение оставляет мне время заговорить.

— Семнадцать шрамов, — говорю я, и голос у меня всё ещё хрипит. — Сколько их должно было быть?

— Тридцать. — Он поводит плечом и морщится. — Вы собирались закончить после вина. Я нащупываю ногой край скамьи и сажусь.

— Это сделала я?

Корвин смотрит на мою руку, сжимающую ворот халата. На кольца с тёмными камнями.

— Эти руки.

Он подходит так близко, что я чувствую тепло его кожи и запах крови и розовой воды, и мне приходится запрокинуть голову. Из чужой памяти всплывает правило: рабу запрещено подходить к Госпоже без зова. Корвин стоит от меня на расстоянии ладони.

— Иссара умерла этой ночью, — говорит он тихо. — Мой ошейник остыл, а потом согрелся снова. — Серые глаза смотрят на меня в упор. — Кто вы?

Глава 2. Правила дома

Корвин смотрит и ждёт, стану ли я врать.

Врать я не собиралась.

— Ксения, — говорю я. — Меня зовут Ксения Морозова.

Он повторяет имя медленно, и у него получается «Ксенья», с мягким знаком.

— Откуда вы, Ксенья?

— Из другого мира. Там я учительница литературы. Учю детей читать книги и думать о прочитанном.

Камень в его ошейнике вспыхивает и гаснет.

— Здесь за грамоту мужчине отрубают руку, — говорит он. — Ту, которой он держал книгу.

Мне хочется сесть, и это легко, потому что я и так сижу.

— Я умерла, да?

— Вы умерли там. Иссара умерла здесь. — Он кивает на ванну. — В Ниэру приходят только через смерть. Душе нужно тело, и тело должно быть свободным.

— И часто у вас такое случается?

— Теперь редко. Пришлых стали сжигать на площади вместе с телом, которое они заняли. Перенаселение, понимаете ли.

Я плотнее запахиваю халат.

— Тогда почему вы до сих пор молчите?

Корвин отходит к стене, поднимает с пола рубашку и надевает её. Ткань ложится на свежие рубцы, и он на миг закрывает глаза.

— Этой ночью с Иссарой был я, — говорит он. — Один. Она выпила вино и перестала дышать. Если в доме узнают, что Иссара Вейр мертва, начнут искать убийцу. И найдут северянина в ошейнике, который сидел рядом. Меня казнят раньше, чем вас.

— А если узнают, что в её теле теперь я?

— Вас сожгут, а дом останется без хозяйки. — Он затягивает шнурок на воротах. — Обычай говорит: «Дом, где рабы забыли руку Госпожи, — порченный дом». Порченный дом отбирают в казну, а рабов отправляют на Отбраковку.

— Это что?

— Арена, рудники или плаха. Выбирают за нас.

Час назад у меня был один трудный подросток, и я поручилась за него на педсовете. Теперь у меня пятеро взрослых мужчин, и все трудные.

— Чего вы хотите? — спрашиваю я.

— Сделку. — Корвин возвращается и встаёт передо мной. — Я молчу о том, кто вы. Вы играете Иссару без единой ошибки.

— Я знаю о ней только то, что вижу в зеркале и слышу в голове.

— Значит, слушайте её внимательнее. И меня. — Он чуть наклоняет голову. — Через тридцать дней Ночь Двух Лун. В эту ночь Смотрительница Обычая проверяет каждый Дом, ваш тоже. К этому дню вы должны стать Иссарой.

— За месяц? Я два года учила детей здороваться при входе в класс.

— Здесь за проваленный урок сжигают.

— Это всё?

— Ещё одно. — Он смотрит мне в глаза. — Захочет Ровена меня купить — откажите. Она давно этого хочет.

— А зачем вы ей?

— Разве не очевидно?

Корвин выпрямляется и задирает подбородок. Ну и самомнение! Похоже мужчины везде одинаковы.

— Хорошо, — говорю я. — Договорились.

Я протягиваю ему руку. Корвин смотрит на неё, потом берёт и поворачивает ладонью вверх. Пальцы у него шершавые. Он наклоняется и касается губами моего запястья, там, где бьётся пульс.

Пульс под его губами сбивается. Тело у меня может и чужое, но я чувствую каждый удар.

— Рабу Госпожа подаёт руку для поцелуя, — говорит он, выпрямляясь. — Для пожатия она подаёт её равным. Равной Иссара считала только сестру, и ту ненавидела.

Он отпускает мою руку.

— И ещё, Ксения. Пульс у вас скачет. У Иссары он всегда был ровным.

До спальни он ведёт меня сам: два коридора, лестница, галерея с окнами в сад. Я запоминую дорогу по картинам. На всех картинах женщины, а мужчины стоят перед ними на коленях.

Поперёк порога моей спальни лежит Брам.

Нож для мяса, к счастью, остался на скамье в купальне. Глаза у Брама открыты.

— Брам, — говорю я. — Идите спать.

— Я сплю, Госпожа.

И остаётся лежать. Я смотрю на Корвина. Корвин смотрит в потолок.

— Брам спит у вашего порога третий год, — говорит он. — Иссаре нравилось через него перешагивать.

На запястье у Брама белеют полосы от кандалов. «Рудники, — лениво подсказывает голос в голове. — Наши, фамильные. Ровена продала его оттуда на арену за гроши, а я перекупила. Ест за троих, зато через него удобно перешагивать».

Мне становится дурно второй раз за ночь.

Я перешагиваю через Брама, придерживая подол халата. Потом стягиваю с кровати Иссары покрывало, возвращаюсь и укрываю Брама до подбородка.

Брам смотрит на покрывало. Потом на меня.

— Спокойной ночи, Брам.

Корвин стоит в конце галереи и качает головой. Я закрываю дверь.

Утро начинается с песни.

Я открываю глаза и вижу сначала зелёный балдахин, потом солнце в высоком окне, потом Ноэля. Он сидит у меня в ногах с лютней на коленях и поёт. За такой голос в нашей учительской передрались бы перед каждым школьным концертом.

— Доброе утро, Госпожа, — говорит он, взяв последний аккорд. — Ноэль сварил вам кашу.

На подносе у кровати стоит миска, от неё пахнет корицей и мёдом. Рядом лежит роза.

— Вы сами сварили?

— Её сварил Брам, — шёпотом признаётся Ноэль. — Брам считает, что воину стыдно уметь варить кашу. Поэтому каша от Ноэля. А роза правда от меня.

Он откладывает лютню и пересаживается ближе.

— Сайлас говорит, вчерашний яд путает Госпоже мысли. Вы сказали «пожалуйста». Потом укрыли Брама. Сайлас говорит, это пройдёт. Я пришёл помочь Госпоже вспомнить себя.

Рубашка соскальзывает у него с плеча, и я смотрю, как она соскальзывает дальше. Кожа у Ноэля золотистая, и он прекрасно знает, как на неё падает свет. Он наклоняется и касается губами моего колена через одеяло.

Я натягиваю одеяло до подбородка.

— Ноэль, пересядьте в кресло.

Он замирает. Потом встаёт, переходит к креслу у окна и садится на самый край.

— Застегнитесь, пожалуйста.

Он застёгивает рубашку до горла. Пальцы у него дрожат, и пуговицы попадают в петли со второго раза.

— Я стал Госпоже противен?

— Ноэль, вы прекрасны. И поёте чудесно.

— Пою я для гостей. — Он смотрит на свои руки. — Меня девять лет учили радовать Госпожу. Петь, танцевать и всему остальному. Певцов на рынке много, Госпожа. Но со мной никто не сравнится.

Он говорит это спокойно, с улыбкой. Я беру с подноса ложку, чтобы занять руки.

— Тогда спойте мне ещё, — говорю я. — Пока я ем кашу Брама.

— От Ноэля, Госпожа! — Он в ужасе оглядывается на дверь.

— От Ноэля, — соглашаюсь я.

Он поёт, глядя в пол, и это настоящее эстетическое удовольствие.

К вечеру я выясняю три вещи. В доме Иссары сорок комнат, и в каждой висит её портрет. Слуги при моём появлении прижимаются к стенам. Мужчины гарема едят на кухне, на полу, из одного котла, после того как поела Госпожа.

Это я исправляю за ужином.

— Принесите ещё пять стульев, — говорю я.

Ключница Агна стоит у буфета. Она худая, с тугим узлом седых волос, и на поясе у неё связка ключей, которая звякает при каждом движении.

— Госпожа ждёт гостей?

— Госпожа ждёт Корвина, Брама, Ноэля, Сайласа и Тиана. Они должны ужинать сидя.

Агна роняет ключи.

Стулья приносят, мужчин приводят. Пятеро выстраиваются у стены. Ноэль смотрит на Корвина, Брам на Ноэля. Сайлас разглядывает потолок, Тиан разглядывает пол. Корвин смотрит на меня, и в его взгляде я читаю: «Без единой ошибки».

— Садитесь, — говорю я.

Пятеро мужчин остаются стоять.

В сентябре девятый «Б» простоял у доски сорок минут, пока я рассаживала их по-новому. Тогда сработал один приём.

— Кто сядет последним, после ужина моет посуду.

Через секунду за столом сидят четверо. Стул под Брамом трещит. Ноэль садится на самый край. Сайлас устраивается с видом человека, которому интересно, чем всё закончится. Тиан складывает руки на коленях.

Корвин садится последним. Медленно, глядя мне в глаза.

Агна, которая как раз вносит супницу, ахает и ставит её мимо стола. Брам ловит супницу у самого пола.

— Позвольте вопрос, Госпожа? — Сайлас разворачивает салфетку. — Кто сегодня пробует еду? После вчерашнего я бы начал с Брама. Его труднее всего отравить.

Брам молча зачерпывает суп из своей тарелки, съедает и кивает. Ноэль хихикает и тут же зажимает рот ладонью.

Тарелка Тиана остаётся полной. Он сидит, опустив глаза, и прячет руки под стол.

— Тиан, — зову я.

Он вздрагивает, и ложка падает на пол.

— Простите, Госпожа.

— Ешьте, Тиан. Ругать я буду только за плохое поведение.

Он поднимает на меня глаза, первый раз за весь день, и тут же опускает их снова. Глаза у него светлые, и в них стоит ужас. Кажется он ждет какое-то новое наказание.

Агна прижимает к груди ключи.

— Госпожа, — говорит она тихо. — Мужчины за столом Госпожи... Если об этом узнают в городе...

— Агна, это моя прихоть. Принесите, пожалуйста, ещё хлеба.

Агна открывает рот, закрывает его и уходит за хлебом. Ключи звякают у неё на поясе до самой кухни.

Корвин наклоняется ко мне через угол стола.

— Первая ошибка, Госпожа, — говорит он тихо.

— Но я не могу иначе.

— Это повод для сплетен. Завтра о вашем ужине будут знать на рынке.

— Значит, завтра на рынке узнают, что у меня хороший аппетит. А посуду сегодня моете вы.

Он откидывается на спинку стула. Уголок рта у него дёргается, и это почти улыбка.

Агна возвращается без хлеба. В руках у неё письмо с серебряной печатью, и печать я узнаю раньше, чем голос в голове успевает подсказать: полумесяц над башней, герб Дома Вейр.

— Гонец от леди Ровены, Госпожа, — говорит Агна. — Завтра утром леди Ровена будет здесь.

Она смотрит на пятерых мужчин за моим столом.

— Без приглашения.

Глава 3. Сестра

Две служанки затягивают на мне платье, а Корвин стоит у двери гардеробной и учит меня быть сестрой.

— Ровена старше вас на шесть лет и глава Дома Вейр. Кланяться положено вам. Вы кланяетесь ей на полголовы и улыбаетесь одним уголком губ.

— А дальше?

— Дальше Ровена касается вашей щеки своей. — Он чуть наклоняет голову. — Правой. Служанка дёргает шнуровку, и я выдыхаю весь воздух, какой у меня был.

— Что ещё?

— Голос. Вы говорите тише всех в комнате, и вас слушают все.

— Это я умею. Этому учили на первом курсе педагогического.

Слово «педагогический» служанки слышат впервые и на всякий случай кланяются.

Карета Ровены въезжает во двор ровно в девять. На чёрных дверцах блестит серебряный полумесяц над башней. Раб в серой тунике спрыгивает с запяток, распахивает дверцу и опускается на четвереньки у подножки.

Леди Ровена Вейр ступает ему на спину и сходит на землю.

Она выше меня, золотые волосы уложены короной. Глаза у неё зелёные, это у нас семейное. Лицо у неё мягче, чем у Иссары, и улыбка держится на нём так ровно, что я сразу перестаю ей верить.

У нижней ступени она достаёт из рукава серебряную фляжку, делает глоток и прячет фляжку обратно. Потом поднимается ко мне.

Я кланяюсь на полголовы. Ровена касается моей щеки своей, правой, и от неё пахнет фиалками.

— Сестрица, — говорит она. — Ты жива.

Пауза получается короче вдоха, и всё же я её слышу.

— Жива и здорова, — поправляется Ровена и улыбается шире. — Мне сказали, тебе было дурно.

— Кто сказал?

— Ах, сестрица. Новости в этом городе бегают быстрее гонцов.

Она смотрит на мои губы. Потом на руки, на ногти. Потом снова на губы. В купальне Сайлас проверял то же самое, когда спрашивал у Корвина, синели ли у меня губы.

Чай накрывают на террасе. Ровена садится в кресло, раб с запяток опускается на колени у её ног. Он совсем молодой, коротко стриженный, и камень в его ошейнике светится белым. Мои мужчины стоят у стены за моим креслом. Корвин ближе всех, Тиан у самой двери.

Агна разливает чай. Раб Ровены принимает у неё чашку и подаёт мне обеими руками.

— Спасибо, — говорю я.

Он вскидывает глаза. Всего на миг.

Камень в его ошейнике вспыхивает красным. Раб сгибается пополам, утыкается лбом в плиты террасы и замирает. Он молчит, только плечи у него трясутся.

Ровена помешивает ложечкой чай. Лицо у неё спокойное, улыбка на месте.

— Глаза в пол, Дарин, — говорит она. — Сколько раз повторять.

Чашка у меня в руках звякает о блюде. Я ставлю её на стол.

Камень гаснет. Дарин медленно разгибается и остаётся стоять на коленях, глядя в пол.

— Ты теперь благодаришь рабов, сестрица? — Ровена отпивает чай. — Это новая мода при дворе?

— Сайлас прописал мне вежливость, — говорю я. — От головной боли.

Ровена смеётся. Смеётся она красиво, а глаза у неё при этом остаются внимательными.

— Ты сегодня мягкая, Иссара. Прежняя ты отправила бы этого мальчишку на конюшню за один взгляд. Своего, моего, любого.

— Своего наказывай сама. У тебя прекрасно получается.

Ровена ставит чашку. Её взгляд скользит мимо меня, к стене, и останавливается на Корвине.

— Кстати, о твоих мальчиках. Продай мне северянина.

За моей спиной так тихо, что я слышу, как Корвин дышит.

— Семь лет ты его ломаешь, — продолжает Ровена, — а он всё так же держит спину прямо. Признай, сестрица, он тебе не по зубам. Я дам тысячу золотых. Втрое больше, чем ты за него отдала.

— Корвин остаётся у меня.

— Две тысячи.

— Ровена, я ответила.

Улыбка у Ровены становится кривой.

— Ты отказываешь главе своего Дома из-за раба?

— Я отказываю сестре, которая приехала без приглашения.

Она поднимается, опирается ладонями о стол и наклоняется ко мне через чайник. Фиалками пахнет сильнее.

— Тогда послушай сестру, Иссара. Вчера вечером твои мужчины ужинали за твоим столом. Сегодня утром об этом говорит весь рынок. Дом, где рабы забыли руку Госпожи...

Вчера вечером. Гонец Ровены отдал письмо у калитки, а ворота Агна заперла сразу после ужина, я видела это сама. Значит, кто-то из этого дома ночью добежал до Ровены. Тиан у двери опускает голову ещё ниже.

Ровена шипит.

Я кладу ладонь на стол.

— Ровена, — говорю я тихо. — Сядь.

Тридцать подростков замолкают от этого голоса на середине слова.

Ровена садится.

Она садится раньше, чем успевает подумать, и сама это понимает. Улыбка у неё исчезает, и на миг на лице проступает растерянность. Потом улыбка возвращается на место.

Ровена долго смотрит на меня. Дарин у её ног успевает поднять глаза и опустить их снова.

— Знаешь, сестрица, — говорит она наконец, — будь я суеверной, я бы решила, что в тебя кто-то вселился.

Корвин кладёт руку на спинку моего кресла. Я чувствую это лопатками.

— Будь ты суеверной, — отвечаю я, — ты бы больше молилась и меньше пила из фляжки.

Рука Ровены дёргается к рукаву и останавливается на полпути.

Она встаёт, расправляет юбки и снова улыбается. Дарин поднимается следом.

— Береги себя, Иссара. — На середине лестницы она оборачивается. — Смотрительнице будет интересно, как ты ведёшь дом.

Карета уезжает. Дарин стоит на запятках и держится за поручень обеими руками.

В спальне я закрываю дверь и сажусь прямо на пол. Колени у меня дрожат.

Корвин входит следом и останавливается у порога.

— «Меньше пила из фляжки», — повторяет он. — Вчера вы ошиблись трижды. Сегодня один раз попали в цель.

— Она смотрела на мои губы.

— И на ногти. У отравленных они синеют. — Он садится на корточки напротив меня, и его лицо оказывается вровень с моим. — Сутки Ровена ждала гонца с вестью о смерти сестры. Сегодня она приехала узнать, куда он делся.

— Значит, это она?

— Значит, она что-то знает. И молчит. Скажи она вслух, что сестра должна была умереть, ей придётся объяснить, откуда она это знает. — Корвин смотрит на меня в упор. — Ей нужен свидетель. Или Смотрительница, которая всё найдёт сама.

В дверь стучат. Корвин поднимается раньше, чем входит Агна.

— Госпожа, — Агна кланяется. — Вечером дом ждёт вашего выбора.

— Какого выбора?

— Обычай, Госпожа. После болезни Госпожа выбирает себе наложника на ночь. Так дом узнаёт, что она поправилась.

Корвин отходит к окну и смотрит в сад.

— А если я выберу выпасться?

— Тогда к утру рынок решит, что Госпожа при смерти, — ровно отвечает Агна. — А к обеду об этом узнает леди Ровена.

Я перебираю варианты. Брам в любом случае будет спать у порога. Сайлас всю ночь будет считать мне пульс. Тиан ещё ребёнок, и он смотрит на меня с ужасом. Корвин стоит у окна спиной ко мне, и об этом варианте я почему-то запрещаю себе думать.

Остаётся тот, кто хочет этого сам.

— Ноэль, — говорю я.

Агна кланяется с облегчением. Корвин так и стоит лицом к саду.

У меня есть план. Ноэль придёт, дом увидит, что он пришёл, а спать он будет в кресле у окна. Кресло широкое, места хватит.

Ноэль приходит в полночь. На нём шёлковый халат, который больше показывает, чем прячет. Волосы у него влажные после купальни, в руках флакон с маслом, и от него пахнет сандалом.

— Госпожа, — говорит он и опускается на колени у кровати.

Я открываю рот, чтобы рассказать ему про кресло. Он берёт мою ступню в ладони и касается губами щиколотки. Потом чуть выше. Губы у него тёплые, и дело своё он знает. Девять лет учёбы, вспоминаю я. Отличник.

Его губы поднимаются к колену.

— Ноэль, — говорю я, и голос у меня даёт петуха. — Стоп.

Он замирает.

— Идите к себе. Отдохните. Спасибо вам.

Ноэль медленно поднимает голову.

— Госпожа меня благодарит?

— Да. За вчерашнюю песню. Идите спать, Ноэль.

Он встаёт, запахивает халат и кланяется низко, до самого пола. В дверях он улыбается мне той же улыбкой, с которой вчера рассказывал, за что его купили. Потом перешагивает через Брама и уходит.

Я лежу и смотрю в балдахин час, может быть, два. Я прогнала из постели самого красивого мужчину, которого видела в жизни, и мне так стыдно, что я встаю и иду его искать.

Брам на пороге поворачивает голову.

— Ноэль внизу, Госпожа, — говорит он в потолок. — У Агны.

Я спускаюсь по лестнице босиком. В нижнем зале горит одна лампа. Агна сидит за столом в ночном чепце, перед ней чернильница и лист бумаги. Ноэль стоит напротив. Он успел переодеться в дорожный плащ, у ног лежит узелок.

— Верните меня в школу, госпожа ключница, — говорит он. — Напишите, что я негоден. Госпожа меня отослала, весь дом видел.

Агна вздыхает и обмакивает перо в чернила.

— Утром Госпожа подпишет, — говорит она. — Ты сам этого хочешь, мальчик?

— Госпоже я без надобности. Значит, и себе тоже.

Агна пишет и подвигает к нему лист. Ноэль обмакивает палец в чернила и прижимает его к бумаге под строчками, прочесть которые ему запрещено.

Я делаю шаг из темноты. Чья-то ладонь ложится мне на локоть и тянет назад.

Корвин стоит на ступеньку выше меня, в тени лестницы.

— Сейчас вы сделаете хуже, — шепчет он.

— Что значит «негоден»?

— Школа наслаждений забирает негодных обратно и платит за них треть цены. — Он смотрит на Ноэля поверх моей головы. — А потом продаёт на рудники. Певцы там живут год.

— Я всего лишь отпустила его спать.

Корвин наклоняется к самому моему уху.

— Вы только что убили его добротой. Завтра научитесь, как это исправить.

Глава 4. Первый урок

Бумагу Агна приносит к завтраку, на серебряном подносе, рядом с чернильницей и пером.

— Госпожа подпишет?

Ноэль стоит у двери в том же дорожном плаще и держит узелок обеими руками. Брам сидит на ступенях у входа. Сайлас прислонился к косяку. Тиан выглядывает из коридора. Корвин стоит за моим креслом, и я чувствую его затылком.

Я беру бумагу. Буквы чужие, но читаю я их легко: «Раб Ноэль, певец, двадцати одного года, возвращается в школу наслаждений как негодный к службе. Отпечаток пальца прилагается». Отпечаток смазан.

Я беру перо. Ноэль следит за пером, и лицо у него спокойное.

Три дня назад на педсовете у меня в руках тоже была бумага. Характеристика на Ершова Дмитрия, две страницы, а в конце рекомендация перевести его в другую школу. Я её прочла, встала и сказала, что Ершов остаётся в моём классе и отвечаю за него я. Доброты в этом было мало. Это было упрямство, оформленное по всем правилам.

Я кладу перо на поднос. Потом рву бумагу пополам. Потом ещё раз.

— Ноэль останется, — говорю я тихо, голосом Иссары. — Решать, годен ли он, буду я. Агна выдыхает. Ключи у неё на поясе звякают, и она прижимает их ладонью.

— Подойди, Ноэль.

Он подходит. Узелок падает у него из рук.

— Сними плащ.

Он расстёгивает пряжку, и пряжка поддаётся со второго раза.

— Вечером ты поёшь для меня. И завтра тоже. Ты мой, Ноэль. Из этого дома ты уходишь, только когда я скажу.

Ноэль опускается на колени и прижимается лбом к моей руке. Плечи у него вздрагивают. Чтобы он снова начал дышать, мне пришлось запретить ему уходить.

Брам на ступенях поднимает голову. Сайлас отталкивается плечом от косяка и уходит, пряча улыбку. Тиан исчезает в коридоре.

После завтрака Корвин догоняет меня в галерее.

— Первый урок, Госпожа, — говорит он. — Иногда нам нужна Госпожа.

— Я заметила.

— Добрая женщина может нас отпустить. Госпожа может нас оставить. Здесь между ними разница в рудник.

— А если я хочу, чтобы вы сами решали, где вам быть?

Он останавливается у окна. Внизу, в саду, Ноэль сидит на бортике фонтана и настраивает лютню.

— Тогда сначала научитесь удерживать, — говорит Корвин. — Отпускать будете потом.

Вечером они приходят ко мне в библиотеку все пятеро.

Первым входит Брам. В руках у него бархатная подушка, а на подушке плетё с узлами. Брам кладёт подушку на стол передо мной, поправляет плетё, чтобы она лежала ровнее, и отходит к стене.

— Госпожа, — говорит Сайлас. — Дом посовещался.

— Дом?

— Мужская половина дома. — Он складывает руки на груди. — Позавчера вы посадили нас за стол. Вчера сказали рабу Ровены «спасибо». Сегодня утром оставили Ноэля, и это

было хорошо, но леди Ровена обещала Смотрительницу. Если Смотрительница увидит то, что видели мы, нас отправят на Отбраковку раньше, чем она допьёт чай.

— Сайлас говорит, это от яда, — вставляет Ноэль. — Яд отнял у Госпожи память, и Госпожа стала мягкой. Мы поможем вам вспомнить.

— Как?

— Уроками, — говорит Корвин. Он стоит у двери, и лицо его в тени.

Я смотрю на плетъ на бархатной подушке. Потом на пятерых мужчин в ошейниках. Пятеро рабов пришли учить хозяйку держать плетъ. У нас в школе такое называется... Да нет, у нас в школе такого не бывает.

— И кто будет учителем?

— Все, — говорит Сайлас. — По очереди. Брам начнёт с плети, он лучше всех знает, как с ней управляться.

Брам у стены кивает. Тиан смотрит на плетъ, и пальцы у него сжимаются в кулаки.

— А мне на ваших уроках можно задавать вопросы? — спрашиваю я.

Сайлас переглядывается с Корвином.

— Госпожа может всё, — говорит Сайлас.

— Прекрасно. Тогда первый вопрос. Кто из вас придумал этот урок?

Брам у стены краснеет до самой макушки.

Урок Брама начинается на рассвете во внутреннем дворе, и это ещё хорошо, что бить приходится по песку, а не по живым мишеням. За первые десять минут я трижды попадаю плетью себе по лодыжке.

Брам берёт мою руку в свою, огромную, и поворачивает запястье. Плетъ свистит и ложится на песок.

— Кисть, — повторяет он с удовлетворением.

Через двор к нам бежит Агна, подобрав юбку, и ключи у неё на поясе звенят при каждом шаге.

— Госпожа! Мать-Смотрительница у ворот. С ней леди Ровена.

Но почему так рано?

Мать-Смотрительница Ильва входит в главный зал, опираясь на посох. Посох белый, с двойным навершием: два серебряных круга, большой и малый. Две луны. Сама Ильва маленькая, в белом балахоне и покрывале до пола. Глаза у неё почти бесцветные.

За ней идут две храмовые стражницы с посохами попроще. Последней входит Ровена, с веером и с улыбкой. Проходя мимо меня, она роняет вполголоса:

— Я же обещала, сестрица.

— Мать, — говорю я и кланяюсь. Глубоко. Перед Смотрительницей спина Иссары гнётся сама, и я впервые благодарна этому телу.

Мои мужчины стоят на коленях вдоль стены. Корвин первый, Тиан последний.

Ильва садится в моё кресло. Мне остаётся стоять.

— Леди Иссара, — голос у неё мягкий. — Глава вашего Дома говорит, что ваши рабы ужинают за вашим столом.

— Глава моего Дома повторяет сплетни с рынка, Мать.

— Значит, леди Ровена лжёт?

Веер Ровены замирает.

— Леди Ровена ошибается, — говорю я. — На рынке много говорят. Ровена много слушает.

Ровена улыбается шире. Ильва переводит на неё светлые глаза и снова смотрит на меня.

— Назовите Первое Слово Обычая.

Память отзывается сразу.

— «Кровь Матери — закон Дома».

— Второе.

— «Мужчина — стена Дома. Стена молчит».

— Третье.

Я открываю рот, и память молчит. Голос Иссары, который все эти дни подсказывал мне каждое имя, пропал. В голове у меня звучит только мой собственный: «Ершов, билет номер семь».

— Третье Слово, леди Иссара.

На экзаменах в педагогическом у меня был один приём на случай пустой головы. Я хвалила вопрос и выигрывала время.

— Это очень хороший вопрос, Галина Пет... — Я прикусываю язык. — Мать.

Ильва медленно наклоняет голову набок.

— Как вы меня называли?

— Матерью.

Веер Ровены раскрывается. Она прикрывает им рот, и над веером я вижу её глаза. Они смеются.

— Сестрица после болезни путает слова, — говорит Ровена. — Вчера она поблагодарила моего раба. Я решила, у неё жар.

Ильва смотрит на меня долго.

— Тогда спрошу проще. Какой знак ваш Дом ставит на мужчину, которого выпускает за ворота одного?

Про знак память тоже молчит.

— Сколько ударов полагается рабу, поднявшему глаза на Мать?

Я молчу. Стражницы у двери переглядываются. Ровена убирает веер, и улыбка у неё теперь настоящая.

— Леди Иссара, — говорит Ильва, и голос у неё становится ещё мягче. — Хозяйка, которая забыла Обычай...

За моей спиной шуршит ткань.

Корвин встаёт. Без позволения, во весь рост, и делает шаг вперёд, так что оказывается между мной и креслом Смотрительницы.

— Моя Госпожа слишком слаба для ваших вопросов, — говорит он.

В зале становится тихо. Брам у стены задерживает дыхание. Ноэль закрывает глаза. Стражницы перехватывают посохи.

Мужчина встал без позволения. Мужчина первым заговорил с Матерью. Память Иссары возвращается разом, и вместе с ней приходит знание, сколько это стоит.

Теперь все в зале смотрят на него, и о моём Третьем Слове уже забыли. Он подставился сам. Мне он оставил одно: показать при свидетелях, чья у него на шее рука.

Ильва поднимается из кресла. Посох стучит о плиты.

— Стена молчит, — говорит она, глядя на Корвина. — Второе Слово ваш раб помнит хуже вас, леди Иссара.

Она поворачивается ко мне.

— Накажите его, леди Иссара. Или это сделаем мы.

Корвин опускается на колени у моих ног. Камень в его ошейнике горит белым рядом с моим подолом. Он поднимает лицо, и голос у него тихий, для меня одной.

— Сделайте это, Госпожа. Иначе завтра казнят нас всех.

Глава 5. Цена мягкости

— Узами, — говорит Ильва и опускается обратно в моё кресло. — Здесь. При мне. До моего «довольно».

Плеть Брама осталась во дворе, на песке. Узы ближе: они у Корвина на горле и у меня в крови.

Корвин поднимает на меня глаза. Он кивает мне одним подбородком, и опускает голову. Я смотрю на камень в его ошейнике.

Тело Иссары знает, как это делается. Семь лет оно делало это с Корвином и помнит всё горлом, грудью, кончиками пальцев.

Ещё оно помнит день рождения. Свечи в зале, гости, и Корвина вводят на цепи, с алой лентой на ошейнике. Кто-то смеётся: «С днём рождения, Иссара». Ленту Иссара развязывает сама.

На этом всё. Откуда он взялся, кем был до ошейника, кто его подарил — память Иссары молчит. Я прислушиваюсь к её мыслям. Про всё остальное в этом доме у Иссары есть мнение, обычно злое. Про Корвина у неё сплошная загадка.

Я вспоминаю купальню. Желание поднять плеть с пола, от которого меня тогда мутило. Я позволяю ему подняться снова.

Камень вспыхивает красным.

Корвин выгибается назад. Руки он держит на бёдрах, и я слышу, как хрустят у него суставы. Он молчит.

А потом боль приходит ко мне.

Она приходит в горло, туда, где у Корвина ошейник, а у меня кружевной воротник. Оттуда спускается по позвоночнику, и своей спиной я чувствую каждый из семнадцати рубцов на его спине.

Колени у меня подгибаются. Я опираюсь о спинку кресла Ильвы и делаю вид, что так и задумано.

Ровена смотрит на мои губы. Я улыбаюсь ей одним уголком рта. Это улыбка Иссары, от неё у Иссары морщинка, и Иссара берегла её для боли. Подходящий случай.

— Сильнее, — говорит Ильва.

Я сжимаю спинку кресла. Камень горит ярче. Корвин падает на ладони и хрипит. Горло у меня сводит, и я глотаю раз, другой, и только тогда снова могу дышать.

Ноэль у стены зажимает себе рот обеими руками. У Брама побелели кулаки. Тиан отвернулся к стене. Сайлас смотрит только на меня и шевелит губами, что-то считая.

— Довольно, — говорит Ильва.

Камень гаснет. Боль уходит из меня разом, и от её ухода кружится голова. Корвин стоит на четвереньках, и с подбородка у него на плиты капает пот.

Ильва поднимается.

— Дом Вейр крепок, — говорит она Ровене. Потом мне: — Учите своих мужчин Второму Слову, леди Иссара. А Третье повторите сами. В Ночь Двух Лун я спрошу его снова.

Она идёт к выходу. Стражницы следуют за ней. Ровена задерживается в дверях и смотрит на меня поверх веера.

— Матери пришлось тебя подгонять, сестрица, — говорит она. — Болезнь сделала тебя милосердной.

Она уходит. Я слышу, как во дворе стучат колёса, как Агна провожает гостей, как скрипят ворота. Как падает засов.

Потом колени у меня подгибаются окончательно. Брам подхватывает меня у самого пола. Последнее, что я слышу, — как Ноэль кричит, чтобы несли воду.

Я открываю глаза на кушетке в библиотеке. Надо мной Сайлас. Он держит пальцы у меня на шее и шевелит губами, считая.

Корвин сидит на полу у кушетки, прислонившись спиной к книжным полкам. Лицо у него серое. Рубашка лежит у него на коленях, и камень в ошейнике светится белым.

— Вы нас спасли, — говорит он.

Я сажусь. Голова кружится, и Сайлас придерживает меня за плечо. За дверью Ноэль шёпотом спорит с Агной, и Агна побеждает.

— Вы спасли дом, — говорит Корвин. — Ильва уехала довольной, Ровена уехала злой. Это лучший день этого дома за семь лет.

Он смотрит на меня снизу вверх.

— Зачем ты встал?

— Вы забыли Третье Слово. Ещё один вопрос, и Ильва назвала бы ваш дом порченным. — Он поводит плечом и морщится. — Наказанный раб означает хозяйку, которая помнит Обычай. Ильва любит такие истории.

— Ты знал, чем это закончится.

Корвин пожимает плечами.

— Почему ты молчал? — спрашиваю я. — Ты мог кричать.

— Иссара любила, когда кричат. — Корвин откидывает голову на корешки книг.

Сайлас отпускает моё плечо и отходит к столу. Там стоит флакон тёмного стекла. Сайлас откупоривает его, наливает в рюмку несколько капель чего-то голубоватого и подаёт мне.

— Выпейте, Госпожа.

— Что это?

Рюмка в руке у Сайласа замирает.

— Льянка, — говорит он медленно. — Вы пили её каждое утро девять лет. Четыре утра подряд вы её пропускаете. Я решил, вы хотите проверить, каково это без неё.

— И зачем она?

Сайлас прищуривается.

— Эхо, Госпожа. Узы соединяют кровь Госпожи с ошейником раба, и эта связь работает в обе стороны. Госпожа посылает боль, и боль возвращается к ней. — Он ставит рюмку на подлокотник кушетки. — Льянка гасит эхо. Знатные дамы пьют её с того дня, как получают свои первые Узы. Об этом знают Госпожи, их лекари и рабы, которым однажды повезло увидеть, как Госпожа забыла выпить.

— Теперь и мы знаем, — говорит Корвин с пола.

Сайлас переводит взгляд с меня на Корвина и обратно. Между бровей у него появляется складка.

Я беру рюмку. Голубоватая жидкость пахнет мятой и снегом.

Я вспоминаю серебряную фляжку в рукаве Ровены. Глоток у нижней ступени. Дарина, который утыкается лбом в плиты террасы, и Ровену, которая помешивает ложечкой чай.

Я выливаю льянку в кадку с лимонным деревом у окна.

— Это дерево стоит дороже Ноэля, Госпожа, — замечает Сайлас.

— Значит, ему будет приятно. — Я ставлю пустую рюмку на подоконник. — Я буду чувствовать всё, что делаю, Сайлас. Каждый раз.

— Тогда вы сломаетесь, — говорит Корвин.

Я смотрю на Сайласа.

— Кубок из купальни лежит у меня в шкатулке, на туалетном столике. Возьмите его и узнайте, что было в вине.

Сайлас кланяется и уходит. В дверях он оглядывается, и складка между бровей у него становится глубже.

Мы остаёмся вдвоём. Корвин сидит на полу и разглядывает пустую рюмку.

— Сломаюсь, — повторяю я. — Это вызов?

— Прогноз.

— Тогда спорим.

Он поднимает бровь.

— Мужская половина дома решила учить меня быть Госпожой, — говорю я. — Пусть учат. До Ночи Двух Лун я буду лучшей ученицей в этом доме. Взгляд, голос, плоть, все ваши Слова Обычая. А вы взамен будете учиться у меня.

— Чему?

— Быть людьми.

Корвин смеётся. За эти дни я слышу его смех впервые, и смех у него короткий.

— Мы рабы, Госпожа.

— Ты... В первую очередь вы люди. Брам варит кашу и краснеет из-за подушки. Ноэль поёт так, что у Агны мокнут глаза, я видела. Сайлас шутит про яды, когда ему страшно. Тиан...

Я замолкаю. Про Тиана я знаю меньше всех.

— Тиан смотрит в пол, — заканчиваю я. — Пока что. И это мой самый трудный класс за всю практику. Трудные классы — моя специальность.

Корвин молчит. Потом спрашивает:

— Что получит победитель?

— Если первой сломаюсь я, я выпью лдянку и стану Иссарой. Целиком, без единой ошибки, как вы хотели. Если первыми сломаетесь вы...

— Мы?

— Каждый из вас скажет мне, чего он хочет. Сам.

— Любопытная ставка.

— А вы, Корвин? Чего хотите вы?

— Выиграть спор.

Он долго смотрит на меня. Потом поднимается с пола, держась рукой за полку, и протягивает мне ладонь. Ребром вниз. Для пожатия.

Для пожатия Госпожа подаёт руку равным, вспоминаю я.

Я пожимаю его руку. Ладонь у него горячая. Он задерживает мою руку дольше, чем нужно для пожатия, и большой палец ложится мне на запястье, туда, где он однажды уже искал пульс.

— Скачет, — говорит он тихо.

— Это от стресса.

— Посмотрим, кто сломается первым.

Дверь открывается без стука. Сайлас входит с кубком в руке. Лицо у него белое.

— Серый осадок на дне, — говорит он. — Горчит и пахнет железом. Я видел такой один раз, у своего наставника. — Он ставит кубок на стол. — Вас пытались отравить лунным пеплом, Госпожа. Его добывают только на рудниках Вейр.

Корвин отпускает мою руку.

Рудники Вейр. Рудники Ровены. Голос Иссары в голове молчит. Впервые мне хочется, чтобы он заговорил.

— Кувшин в купальне я проверил ещё в ту ночь, — продолжает Сайлас. — Кувшин чистый. Яд был только в кубке. В купальню в тот вечер входили мы пятеро.

Он смотрит на Корвина, потом на меня.

— А подсыпал его кто-то из нас.

Глава 6. Уроки Госпожи подписка

Расписание я пишу в первое же утро после спора, на обороте старой описи серебра, и вешаю его в библиотеке над камином.

Первый урок. Взгляд и голос. Ведёт Корвин. Второй урок. Плеть. Ведёт Брам. Третий урок. Искусство любви. Ведёт Ноэль. Четвёртый урок. Яды. Ведёт Сайлас. После ужина. Хорошие манеры. Ведёт Госпожа.

Пятеро мужчин стоят перед камином и разглядывают лист. Прочесть его по закону может одна из шестерых в этой комнате, а повесила я его для пятерых остальных.

— Что здесь написано, Госпожа? — спрашивает Ноэль.

— Что с завтрашнего дня вы все учителя.

— А кто ученик?

— Я.

Ноэль смотрит на лист с уважением. Глаза Сайласа идут по строчкам слева направо и сверху вниз, и на четвёртой строке у него дёргается уголок рта.

Брам дольше всех разглядывает последнюю строку, самую длинную.

— А это, Госпожа?

— А это урок, где ученики вы.

Корвин у окна поднимает бровь.

Взгляд Корвин ставит мне в галерее, под портретами Иссары.

Портретов здесь двенадцать. Иссара в семь лет держит куклу, в пятнадцать держит сокола, в двадцать держит плеть. У ног двадцатилетней Иссары стоит на коленях мужчина, и лицо ему художник оставил пустым пятном.

— Иссара смотрела на человека и решала, сколько он стоит, — говорит Корвин. — Смотрите на меня. Решайте.

Я смотрю. Он — в двух шагах, заложив руки за спину, и ждёт. Над ошейником у него бьётся жилка, и я зачем-то считаю удары. Сбиваюсь на двенадцатом.

— Вы решаете, какую оценку мне поставить, — говорит он через минуту.

Он прав. Я выбираю между тройкой и тройкой с минусом. За поведение. Минус — за то, что я с двух шагов чувствую запах его кожи.

— Ещё раз.

Я вспоминаю отца Ершова, который на родительском собрании весь час смотрел на меня сверху вниз, и пробую повторить этот взгляд. Корвин выше меня на голову, и смотреть на него сверху вниз получается, только запрокинув голову до предела. Отсюда мне видно его подбородок и рот. Губы сжаты, а левый угол чуть приподнят.

— Лучше, — говорит Корвин. — Теперь у вас заболит шея.

— Это входит в урок?

— У Иссары шея болела постоянно. — Он делает шаг ближе. — Позволите?

Я киваю раньше, чем понимаю, о чём он спрашивает. Корвин кладёт ладонь мне на затылок, под волосы, и большим пальцем нажимает туда, где тянет. Пальцы у него горячие. Я перестаю дышать, потом заставляю себя начать заново.

— Вот здесь, — говорит он. — К вечеру будет болеть.

Он убирает руку, и мне хочется, чтобы он вернул её на место.

— Голос. — Теперь он говорит вполголоса, и я чувствую его дыхание у виска. — Прикажете мне встать на колени.

— Корвин, встаньте, пожалуйста, на...

— Ещё раз.

— Встаньте на колени.

— Вы просите. Иссара приказывала одним словом и один раз. Повтор значит, что Госпожа сомневается, а сомнение мужчина слышит раньше самого приказа.

— Что ещё он слышит?

— Всё. — Корвин опускает взгляд на мою шею, туда, где под кожей частит пульс. — Например, что Госпоже сейчас трудно дышать.

Я набираю воздуха. Голос у Иссары низкий, и я опускаю его ещё ниже.

— На колени.

Корвин опускается на колени одним движением, и камень в его ошейнике остаётся белым. Он смотрит на меня снизу вверх. Он так близко, что сквозь ткань платья я чувствую его дыхание на животе. Руки он по-прежнему держит за спиной. Я думаю о том, что будет, если он их оттуда уберёт, и думаю об этом слишком много.

У меня горят щёки, и радоваться этому мне стыдно.

Я касаюсь его волос. У висков они влажные. Корвин закрывает глаза, и я отдёргиваю пальцы.

— Получилось, — говорит он и откашливается.

— Встаньте. Пожалуйста.

— Вот это слово вам даётся легко.

Он поднимается медленно. Пока он выпрямляется, его лицо оказывается у моей груди, потом у губ, потом выше. Между нами остаётся расстояние в ладонь. Корвин ждёт, кто из нас отступит первым. Отступаю я.

— Третье Слово, — говорит Корвин. Он снова спокоен.

Голос Иссары в голове молчит уже несколько дней, и Корвин это видит.

— Вы слышали его от меня в первую ночь, в купальне. «Дом, где рабы забыли руку Госпожи, — порченный дом».

Купальню я помню. Пар, вода по грудь, Корвин на коленях у бортика с полотенцем в руках. Он говорил, глядя мне в лицо, а я смотрела на капли воды у него на плечах.

Память Иссары это Слово потеряла. А я его помнила и забыла, что помню. Девятый «Б» назвал бы это уважительной причиной.

Брам учит меня гасить плетью свечи.

Он ставит пять свечей на бортик фонтана во дворе и отходит в сторону. На третий день я гашу три из пяти. На пятый гашу все пять, а заодно сбиваю с бортика кувшин и чепец с головы Агны, которая в эту минуту несёт через двор бельё.

— Госпожа в прекрасной форме, — говорит Агна и подбирает чепец.

— Кисть, — говорит Брам. На языке Брама это значит «молодец».

За неделю он произносит при мне слов двадцать, и половина из них «кисть». В последний день все пять свечей гаснут разом, а кувшин остаётся стоять на бортике. Брам долго смотрит на дымящиеся фитили и произносит самую длинную фразу, какую я от него слышала:

— Госпожа бьёт хорошо. Пусть Госпожа бьёт свечи.

Я обещаю.

Искусству любви Ноэль учит меня в музыкальной гостиной, с закрытыми глазами. А я почему-то всё время думаю только о Корвине и злюсь на себя за это.

Читать Ноэлю запрещено, и сорок ступеней наслаждения из школьного трактата он знает наизусть. Он перечисляет их нараспев, голосом отличника у доски. Я записываю.

— Пятая ступень, «Запаястье». Мужчина берёт руку Госпожи и целует её с внутренней стороны, там, где бьётся жилка. Потом ведёт губами выше, к сгибу локтя, и останавливается, только если Госпожа отнимет руку.

Я пишу «запаястье».

Корвин у меня в голове убирает руки из-за спины, берёт мою ладонь и поворачивает её кверху. Губы у него горячие.

На пятой ступени у меня начинают гореть уши.

Шестая ступень про шею, седьмая про ключицы, восьмая про плечи. Корвин проходит их все по порядку, и за каждую я ставлю ему пятёрку. Жаль, что только у меня в голове.

— Девятая ступень, «Шнуровка». Мужчина встаёт у Госпожи за спиной и распускает на ней платье, по одной петле. После каждой петли он целует открывшуюся кожу и спускается ниже, вдоль спины. — Ноэль поднимается с кресла. — Госпожа позволит показать? Трактат говорит, руками запоминается лучше.

Я киваю. «Руками запоминается лучше» я сама повторяю на каждом уроке.

Ноэль обходит моё кресло с закрытыми глазами и встаёт у меня за спиной. Его пальцы находят верхнюю петлю шнуровки и тянут за кончик шнура. Петля ослабевает.

— Одна, — считает Ноэль вслух.

Я закрываю глаза. Пальцы воображаемого Корвина ложатся мне на затылок, туда, где он уже трогал меня. Петля. Поцелуй. Ещё петля. Его губы идут вниз между лопаток, и я забываю дышать.

Открываю глаза оттого, что чувствую чей-то взгляд. За колонной у двери стоит настоящий Корвин. Руки заложены за спину, камень в ошейнике белый, и смотрит он прямо на меня. На мои красные щёки, на руки Ноэля у меня на спине. Взгляд у него горит, и горит недобро.

От этого взгляда мне становится ещё жарче.

— Пять, — говорит Ноэль.

Я моргаю. За колонной пусто.

На девятой я прошу открыть окно. Ноэль отпускает шнур и идёт к окну с закрытыми глазами, задвигая он на ощупь. Потом затягивает шнуровку.

С улицы тянет холодом. Помогает это ненадолго.

— Одиннадцатая ступень, «Колени». Мужчина опускается перед Госпожой на колени и поднимает край её платья. Целует одно колено, потом другое. Потом выше, с внутренней стороны, и с каждым поцелуем всё медленнее.

Корвин уже стоял передо мной на коленях. Я помню его дыхание у себя на животе сквозь ткань.

— Госпожа сидит красная, — говорит Ноэль.

— Здесь жарко.

— Двенадцатая ступень так и называется. «Жар». — Ноэль сияет. — Госпожа всё схватывает с первого раза!

Я смотрю в свои записи. На полях у меня три восклицательных знака, одно сердечко и буква «К». Сердечко я зачёркиваю. Букву «К» — дважды.

— Ноэль, а какая ступень нравится вам?

Он моргает.

— Мне, Госпожа?

— Вам.

Ноэль открывает рот и закрывает его. Пальцы у него находят на подлокотнике бахрому и начинают заплетать её в косичку.

— Ступени придуманы для Госпожи, — говорит он наконец. — Тринадцатая называется «Ожидание». Рассказать?

Он рассказывает про ожидание и всё это время смотрит в окно. Я слушаю вполуха и смотрю на колонну у двери.

Хорошие манеры я преподаю в библиотеке, при закрытых ставнях.

Букварь я склеила сама из бумаги для писем. На каждой странице буква, а рядом рисунок: луна, дом, хлеб, рыба. Рыбу Тиан сначала принимает за башмак.

Пальцы у Тиана в чернилах. Днём он пробовал повторить букву на клочке бумаги, а клочок потом сжёг в кухонной печи.

— Здесь за грамоту рубят руку, — шепчет он. — Ту, которой...

— Я знаю.

— Тогда зачем, Госпожа?

Я поддвигаю к нему страницу с хлебом.

— Затем, что я за вас поручилась. Если кто-то узнает, отвечать буду я.

Тиан ведёт пальцем под буквами, и губы у него шевелятся.

— Х... хл... хлеб.

Он поднимает глаза, впервые за вечер, и в них изумление, которого он сам пугается.

— Здесь написано «хлеб», — говорит он.

— Здесь написано «хлеб».

За дверью тихо звякает струна. Я выглядываю в коридор. Ноэль сидит на полу у стены, с лютней на коленях, и подкручивает колок. Губы у него шевелятся.

— Ноэль?

— Колок разболтался, Госпожа. — Он крутит колок с удвоенным усердием.

Я возвращаюсь к Тиану и оставляю дверь приоткрытой.

В середине недели я раздаю всем пятерым по листу бумаги.

— Домашнее задание. Напишите, чего хотите вы.

— Писать в этом доме умеет только Госпожа, — говорит Корвин.

И опять этот пристальный взгляд.

— Тогда нарисуйте. Или спойте Ноэлю. Сдать через три дня.

Сайлас складывает свой лист вчетверо и убирает в сумку, к склянкам.

Урок ядов Сайлас ведёт у себя, в лазарете под лестницей. Под потолком сохнут пучки трав, на полках стоят банки, и между ними лежит кошачий череп. Сайлас ставит передо мной три флакона и открывает первый.

— Помните, как матушка учила вас различать яды? — спрашивает он. — Три капли на кружевной платок, в оранжерее под южной стеной.

Я наклоняюсь к флакону. Пахнет миндалём.

— Помню, — говорю я.

Сайлас закупоривает флакон.

— Оранжерея у леди Вейр-старшей была одна, и росли в ней лимоны. Яды леди считала делом врачей. Ядам вас учил я, пять лет назад. На втором уроке вы швырнули в меня банкой с беленой, потому что я поправил вас при госте.

Банка с беленой стоит на полке рядом с черепом. На крышке у неё вмятина.

Сайлас садится на край стола и покачивает ногой.

— Вы путаете белену с беладонной, — говорит он. — Вы говорите Агне «спасибо». А позавчера вы перешагнули через Брама и извинились.

Я смотрю на банку с вмятиной, потом на Сайласа.

— Это всё после болезни, вы же знаете, — говорю я.

Нога Сайласа замирает.

— За грамоту мне отрубят руку, — говорит он тихо.

— А меня сожгут. Выходит, я рискую больше.

Он смотрит на меня долго. Потом достаёт из сумки сложенный вчетверо лист и кладёт его передо мной.

— Кто вы такая, мне безразлично. Вы первая спросили, чего хочу я.

Лист исписан ровным почерком, без единой помарки. «Академия лекарей в Тарне. Мужчин туда берут, если за них поручится Дом».

Почерк у него лучше моего.

Сайлас наклоняется ко мне через стол.

— Ну вот. Наконец-то мы с вами наедине по-настоящему. Если Госпоже понадобятся мои услуги, как раньше, я готов. В любой момент.

Я смотрю на банку с вмятиной.

— Как раньше — это банкой в голову?

— Это по вторникам. По четвергам Госпожа была добрее.

— Тогда впишу вас в расписание, — говорю я. — На четверг, пятой строкой. «Услуги. Ведёт Сайлас».

Сайлас смеётся, впервые за весь урок.

Следующий урок Корвин назначает в моей спальне, после заката.

— Рука Госпожи, — говорит он и закрывает за собой дверь. — Днём Госпоже хватает голоса. Ночью ей нужна рука.

Он встаёт посреди комнаты и закладывает руки за спину. За ним на стене висит зеркало.

— Возьмите меня за ошейник.

Я берусь за край двумя пальцами.

— Всей рукой. Иссара держала всей рукой.

Я просовываю пальцы под ошейник. Кожа у него на шее горячая. Под моими костяшками бьётся жилка.

— Теперь к себе.

Я тяну вниз. Корвин наклоняется ровно настолько, насколько я тяну. Его лицо оказывается напротив моего, и я чувствую его дыхание у себя на губах. Он слатывает, и я чувствую это пальцами.

— Приказ, — говорит он.

Голос у него садится на середине слова.

Приказ я забываю. Помню одно: прикажу — и он меня поцелует. Ошейник у меня в руке, и до конца жизни я буду гадать, хотел ли он сам. Поэтому я смотрю ему в глаза и думаю про предсовет. Глупые мысли.

— Вы смотрите мне на губы, Госпожа.

— Смотрю, куда хочу.

Корвин замирает. Потом левый уголок рта у него дёргается.

— Вот. Этим голосом. И с приказом.

Я отпускаю ошейник и протягиваю ему руку.

— Руку.

Одно слово и один раз.

Корвин берёт мою ладонь и поворачивает её кверху. Целует с внутренней стороны, там, где бьётся жилка. Губы у него горячие. Пятая ступень, «Запастье». Дальше, по Ноэлю, мужчина ведёт губами к сгибу локтя и останавливается, только если Госпожа отнимет руку.

Корвин ведёт губами к сгибу локтя. Медленно.

Руку я оставляю ему.

У сгиба локтя Корвин останавливается сам. Выпрямляется и отпускает мою руку так резко, что она падает.

— Плохо.

Двойку мне в последний раз ставили в седьмом классе.

— Что плохо?

— Вы дрожите.

— Здесь холодно.

Корвин смотрит на камин. Агна растопила его ещё днём.

— Это Ноэль вас научил? — спрашивает он. — Стоять и ждать, пока мужчина дойдёт до локтя?

— Ноэль читал мне трактат.

— Читал. — Корвин отходит к зеркалу. — А потом показывал девятую ступень. Петли считал до пяти.

— Вы подсматривали.

— Я смотрю за домом. Это моя работа.

Он стоит ко мне спиной. Руки у него по-прежнему за спиной, пальцы стиснуты в кулаки, костяшки побелели. В зеркале я вижу его лицо. Глаза он закрыл. Злится. На Ноэля или на меня, по зеркалу понять трудно.

— Слушайте. — Корвин поворачивается. — Ноэль, Сайлас, Тиан. Держите их от себя на вытянутую руку. Шнуровку вам затягивает Агна. Руку для поцелуя даёте в перчатке и сразу забираете. Сайласу — в двух перчатках.

— Это тоже урок?

— Это правило. Пока я не разберусь, кто в этом доме чего хочет, близко к вам подходит только...

Он замолкает.

— Только кто?

— Агна, — говорит Корвин.

— А вы?

— И я. — Он возвращается и встаёт передо мной. — Последнее. Прикажите.

— На колени.

Он опускается на колени. Его лицо теперь у моего пояса.

— Иссара клала рабу руку на затылок, — говорит он снизу. — Так Госпожа говорит: мой.

Я кладу ладонь ему на затылок, под волосы, туда, где он трогал меня. Волосы у него тёплые. Корвин выдыхает и на один вдох упирается лбом мне в живот, сквозь ткань. Я запускаю пальцы ему в волосы. Одиннадцатая ступень, «Колени». Если он сейчас поднимет край моего платья, я разрешу.

Руки он держит за спиной.

— Мой, — говорю я голосом Иссары.

Корвин поднимается одним движением, и моя рука соскальзывает с его затылка.

— Слишком долго, — говорит он. Голос у него хриплый. — Иссара держала руку три вдоха.

— А я сколько?

— Долго.

Он идёт к двери и останавливается, взявшись за ручку.

— И в библиотеке откройте ставни.

— Ставни останутся закрытыми.

— Тогда дверь.

— Дверь я и так оставляю открытой.

Корвин смотрит на меня долго. Потом выходит.

Я сажусь на кровать. Ладонь у меня пахнет его волосами.

Через три дня в библиотеке все сдают задания.

Брам приносит рисунок первым. На листе котёл, над котлом пар, а рядом ряд горшков, и на каждом кружок другого цвета.

— Это пряности, Госпожа, — объясняет Ноэль из-за его плеча. — Брам хочет на пряный рынок. И сам что-нибудь выбрать.

Брам краснеет до самой макушки.

— Будет вам рынок, Брам, — говорю я.

Тиан протягивает свой лист двумя руками. Посередине стоит одно слово, зачёркнутое так густо, что перо прорвало бумагу.

— Я ошибся, Госпожа, — говорит он в пол.

Я разглаживаю лист ладонью. Под чернилами угадываются буквы. «Хочу вас и халвы».

Ноэль кладёт свой лист на стол и сразу отходит к стене.

Буквы на его листе кривые, одна стоит задом наперёд. Чернила он брал из моей чернильницы, этот цвет я узнаю. «Чтобы вы меня выбрали».

— Кто вас научил, Ноэль?

— Вы, Госпожа. Вы учили Тиана. — Он улыбается и разглядывает свои ладони. — А я сидел за дверью. У меня хорошая память на звук.

Корвин сдаёт лист последним. Он кладёт его передо мной лицом вниз и остаётся стоять у стола.

Я переворачиваю лист. Обе стороны чистые.

— Вы сдаёте чистый лист, Корвин?

— Моё желание, Госпожа, скрыть свои желания в секрете.

Сайлас за моей спиной хмыкает.

В дверь стучат. Агна входит с подносом, на подносе конверт. На печати две луны, большая и малая, а над ними корона.

— Из дворца, Госпожа.

Я ломаю печать. Буквы на приглашении золотые, с завитками. «Великая Мать Сейрен ждёт леди Иссару Вейр на Балу Матерей через три дня, в час второй луны. Мужчин Дома взять в свиту для развлечений».

— На Балу Матерей в этом году будут северные послы, — говорит Агна. — В Ночь Двух Лун Великая Мать подписывает с ними мир.

Корвин берёт со стола свой чистый лист и медленно сминает его в кулаке.

Глава 7. Бал Матерей

Брам уходит на рынок в день бала, на рассвете. Корзину он берет самую большую, какая нашлась на кухне, и держит её обеими руками у груди.

Кошелёк я собрала ему сама: горсть серебра, три золотых и записку для торговцев, прочесть которую Брам запрещено. «Подателю продать всё, что он выберет. Леди Иссара Вейр».

— Возвращайтесь поскорей, — говорю я. — Ужинайте без нас. Мы будем во дворце.

Выбирать Брам предстоит впервые в жизни. Он переступает с ноги на ногу, и корзина у него в руках скрипит.

— Госпожа, — Агна выходит на крыльцо, вытирая руки передником. — А знак Дома...

— Госпожа! — По лестнице сбегает Ноэль, на нём две рубашки сразу, белая поверх золотой. — Какую, Госпожа? Мальчики Дома Илес всегда в белом, а мне белое...

Пока я выбираю между белой и золотой, Брам выходит за ворота. Тиан провожает его до калитки и возвращается в дом, обходя крыльцо стороной.

— Золотую, — решаю я. — Агна, вы что-то хотели?

Агна смотрит на ворота, за которыми скрылся Брам. Потом машет рукой.

— Пустое, Госпожа.

Она уходит в дом, и ключи на поясе у неё звякают громче обычного.

Дворец Великой Матери стоит на холме, и к нему ведёт лестница в двести ступеней. Дамы поднимаются по ней в паланкинах, паланкины несут мужчины.

Мой паланкин несут Корвин, Ноэль, Сайлас и Тиан. Сколько весит Иссара, я узнаю по дыханию Тиана на сотой ступени. На сто пятидесятой я шёпотом прошу прощения. Корвин шёпотом велит мне замолчать.

Зал Матерей круглый, и под куполом у него нарисованы две луны, большая и малая. Двенадцать юношей Дома Илес стоят вдоль стены в белом, и от их ошейников к поясу хозяйки тянутся серебряные цепочки. У леди из Дома Тарн раб выкрашен золотой краской с головы до пят и стоит у её кресла с закрытыми глазами.

Я впервые в жизни попала на бал, и на этом балу хвастают рабами.

Хозяйка бала, леди Оделия Сарн, открывает вечер песней. Она круглая, в розовом, с перьями в волосах, и поёт она крайне фальшиво. Дамы слушают с улыбками. В дальнем конце зала, в кресле с высокой спинкой, Великая Мать Сейрен разглядывает купол.

— Леди Оделия поёт на этом балу сорок лет, — шепчет Корвин мне в волосы и оттого по коже у меня бегут мурашки. — Хлопают ей до последнего звука.

Я хлопаю до последнего звука. Оделия раскланивается, перья у неё на голове качаются, и тут она замечает Ноэля.

— Леди Иссара! Говорят, ваш певчий ещё и танцует. Пусть станцует нам.

Ноэль за моим плечом замирает. Я оборачиваюсь. Он уже привстал на носки и ждёт.

— Танцуйте, Ноэль, — говорю я.

Он выходит на середину зала, сбрасывает туфли и кивает флейтисту. Флейта начинает тихо, и сперва Ноэль просто идёт по кругу, босиком, по мраморным плитам. Потом флейта ускоряется, и золотая рубашка блестит у него на плечах при каждом повороте.

Я видела его с лютней у своей кровати. Видела перед Агной с узелком в руках. Видела на полу за дверью библиотеки. Танцующим я вижу его впервые, и весь зал смотрит на него вместе со мной. Мне хочется встать и закрыть его от этого зала своим плащом. Ну разве можно глазеть на человека как в зоопарке?

Флейта смолкает. Ноэль замирает на одном колене, с поднятой рукой, и зал хлопает. Оделия хлопает громче всех.

— Прелестно, — говорит она. — Одолжите мне его на ночь, леди Иссара. К завтраку я его верну. Почти целым.

Дамы смеются. Ноэль стоит на одном колене посреди зала, и улыбка у него держится, а глаза он опускает в пол.

Я поднимаюсь из кресла.

— Охотно бы, леди Оделия, — говорю я тихо, и зал замолкает, чтобы расслышать. — Только Ноэль — тонкая натура. И спать может только дома. Уж простите.

Первой фыркает девушка из Дома Илес, и через мгновение смеётся весь зал. Перья у Оделии дрожат. Великая Мать в дальнем кресле переводит взгляд с купола на меня.

Ноэль поднимается с колена. Он стоит посреди зала босиком и сияет, и дамы оборачиваются на него второй раз.

Леди Сильвия подходит ко мне, когда начинают разносить вино.

Она рыжая, в изумрудном платье, и на каждом пальце у неё по кольцу. На меня она смотрит одно мгновение, а всё остальное время смотрит на Корвина.

— Вы позволите, леди Иссара?

Позволения она ждёт ровно один вдох. Потом кладёт ладонь Корвину на грудь. Пальцы скользят вверх, к вороту, и отводят ткань в сторону, туда, где под ключицей темнеет руна из трёх ломаных линий. Корвин стоит смирно. Камень в его ошейнике белый, и только на скуле у него ходит желвак.

Я смотрю на её пальцы на его груди, и мне хочется сломать их по одному. Мысль приходит из памяти Иссары. Или из моей. Сейчас я их путаю.

— Семь лет вы его ломаете, — говорит Сильвия, — а он всё так же держит спину прямо. Признайте, леди Иссара, он вам не по зубам. Я дам три тысячи.

Где-то я такое уже слышала.

Три тысячи. Почти две недели назад на моей террасе Ровена остановилась на двух.

Я беру Сильвию за запястье двумя пальцами и снимаю её руку с груди Корвина.

— Красивая фраза, леди Сильвия. Моя сестра говорила мне её слово в слово. — Я отпускаю её запястье. — Многие желают получить Корвина. Но он не продаётся.

Щёки у неё идут красными пятнами, и она уходит, шурша юбками.

У колонны в другом конце зала стоит Ровена в чёрном с серебром. Она поднимает бокал и пьёт за моё здоровье.

— Имение у Сильвии заложено за долги, — говорит Корвин вполголоса. — Три тысячи за неё платит кто-то другой.

Конечно, это Ровена.

— Зачем она трогала руну?

— Дамы любят трогать чужое.

Он поправляет ворот и застёгивает рубашку до самого ошейника.

У дверей бьёт гонг.

Северных послов трое. Они высокие, в плащах с серым мехом, косы у них заплетены за спиной. Это единственные мужчины в зале с голыми шеями.

Впереди идёт старик. Коса у него белая, до пояса, через бровь тянется шрам, и опирается он на посох с костяным навершием. Послы идут через весь зал к Великой Матери, и путь их лежит мимо меня.

Старик смотрит на мужчин в ошейниках вдоль стен, на каждого по очереди.

Возле меня он останавливается.

Он смотрит на Корвина: на лицо, на ошейник и снова на лицо. Потом произносит одно слово, низко, на языке, где все звуки твёрдые.

Пальцы Корвина у меня на локте сжимаются так, что завтра там будут синяки.

Старик идёт дальше, к Великой Матери, ровным шагом.

— Что он сказал? — спрашиваю я. — И... мне больно, Корвин.

— Что в зале душно.

Корвин отпускает мою руку. И он точно врёт.

Меня зовут к Великой Матери, когда флейта заводит третий танец.

Сейрен совсем старая. Волосы у неё белые и острижены коротко, по-солдатски, а на коленях лежит трость с серебряной луной вместо набалдашника. Я кланяюсь до самого пола, и спина Иссары гнётся сама. Корвин и остальные опускаются на колени у меня за спиной.

— Леди Иссара. — Голос у Сейрен сухой. — Как вам вечер?

— Прекрасно, Великая Мать.

Она постукивает пальцем по трости.

— Я помню вас девочкой. Вы кусались.

— С тех пор я выросла.

— Да.

За моей спиной Корвин задерживает дыхание.

— Ваша сестра пишет мне третье письмо за месяц, — говорит Сейрен. — По её словам, мир с Севером разорит Империю. Что скажет младшая сестра?

— Моя сестра хорошо считает деньги, Великая Мать, — говорю я. — Не уверена, что она разбирается в политике.

Сейрен смеётся коротко, и дамы у её кресла смеются следом, на вдох позже.

— Вы изменились, леди Иссара.

Пальцы у меня холодеют.

— Я болела, Великая Мать.

— Болейте чаще. — Она поднимает трость и указывает ею на дверь. — В Ночь Двух Лун приходите к Колодцу пораньше. Мне там понадобится кто-нибудь, кто мне симпатичен.

Домой мы едем далеко за полночь.

Ноэль, Сайлас и Тиан сидят на козлах рядом с кучером. Корвин едет в карете — напротив меня, у ног своей Госпожи.

— Сядьте на скамью, Корвин.

Он поднимается и садится напротив.

Фонарь под потолком раскачивается в такт движению кареты. Золотистый свет скользит по его лицу, то выхватывая резкую линию скулы, то пряча её в тени.

— Ровена предлагает за вас три тысячи. Почему вы стоите так дорого, Корвин?

— Спросите леди Ровену.

Уголок его губ дрогнул.

— Но я спрашиваю вас.

Он не отвечает сразу. Смотрит в окно, где за стеклом проплывают тёмные улицы, редкие огни, закрытые ставни.

Потом переводит взгляд на меня.

— Почему вы не позволили леди Сильвии прикоснуться ко мне?

Щёки предательски вспыхивают.

— Потому что вы принадлежите мне.

Именно так должна была ответить Иссара.

Корвин усмехается.

Медленно наклоняется вперёд, упираясь локтями в колени. Между нами остаётся всего одна ладонь.

Слишком мало для приличий.

Слишком много, чтобы сделать вид, будто ничего не происходит.

— Семь лет я смотрел на это лицо, — произносит он тихо. — И только недавно впервые захотел к нему прикоснуться.

У меня перехватывает дыхание.

Он поднимает руку.

Пальцы замирают возле моей щеки, не касаясь её. Так близко, что я чувствую тепло его ладони.

Я не отстраняюсь.

— Почему? — спрашиваю едва слышно.

Корвин касается моей щеки.

Его ладонь шершавая, тёплая. От неожиданности я закрываю глаза и сама чуть поворачиваю голову, принимая прикосновение.

Знаю, что не должна. Но ничего не могу с собой поделать.

Его пальцы медленно скользят по моей коже.

Я открываю глаза.

Он уже совсем близко.

Ещё немного — и между нами не останется даже этой последней грани.

Я чувствую его дыхание на губах.

Корвин смотрит мне в глаза.

Я замираю.

Карета дёргается и резко останавливается.

— Приехали, Госпожа! — доносится снаружи голос Ноэля.

Мы отстраняемся.

Слишком поздно, чтобы сделать вид, будто ничего не произошло.

Агна встречает нас у ворот с лампой. Лицо у неё серое.

Я поднимаюсь по лестнице, прохожу галерею с картинами и останавливаюсь у своей спальни.

Поперёк порога лежит покрывало, сложенное вчетверо. Каждое утро Брам складывает его именно так. Каждую ночь разворачивает и ложится.

— Брам ушёл утром на рынок, Госпожа, — говорит Агна у меня за спиной. — и пока не вернулся.

Мне становится не по себе.

Глава 8. Яма

Агна ставит лампу на пол. Потом снимает с пояса связку, перебирает ключи и отцепляет от кольца бронзовую бляху на цепочке.

— Знак Дома, Госпожа. Мужчина, которого Дом выпускает за ворота одного, носит его на шее поверх ошейника. Я думала, вы отдали его Брам.

Становится тревожно.

— Что бывает с мужчиной без знака? — спрашиваю я.

— Его забирает первая же стража. — Корвин стоит у меня за спиной. — Мужчина без знака и без Госпожи достаётся любой женщине, которая его поймает. Сильных ловят для Ямы.

— Какой ещё ямы?

— Арены у южных ворот. Она через стену от пряного рынка.

Брам хотел на пряный рынок. А я ничего не знала про этот знак.

— У него с собой кошелёк, — говорю я. — И моя записка.

— Золото у раба без знака стража называет кражей. — Корвин забирает у меня покрывало и складывает его вчетверо, по сгибам Брама. — А записку Госпожи, которая отпустила раба одного, стража продаст той, кто больше заплатит.

Внизу Тиан отпускает перила и уходит в тёмный коридор.

Агна уносит лампу. Я сажусь на порог собственной спальни и прислоняюсь к косяку. Порог у Иссары жёсткий. И почему Брам не жаловался.

— Идите спать, Госпожа, — говорит Корвин.

— Поспишь тут.

Корвин качает головой и садится на пол у противоположной стены. До рассвета мы вдвоём сторожим пустой порог.

Утром у калитки на коленях стоит Дарин, раб Ровены. Письмо он держит на обеих ладонях.

В конверте лежит моя записка. «Подателю продать всё, что он выберет. Леди Иссара Вейр». Ниже приписано почерком Ровены, с наклоном влево:

«Твой раб выбрал Яму, сестрица. Бой сегодня на закате. Пришли мне северянина, и раб вернётся домой к ужину. Р.»

Я переворачиваю записку и пишу на обороте: «Северянин остаётся у меня. Брама заберу сама».

Дарин принимает ответ на ладони. Агна выносит ему ломоть хлеба, и он съедает его тут же, у калитки, глядя в землю. Крошки собирает с колен и тоже съедает.

В библиотеке меня ждут четверо. Ноэль то и дело оглядывается на место у камина, где обычно стоит Брам.

— Ровена ждала именно такого ответа, — говорит Корвин.

— Пусть порадуется. Чем мне выкупить Брама?

— Стража сдала его Яме по закону, — говорит Сайлас. — Выкупить его золотом может только глава Дома. Ваша сестра.

— Есть Обычай старше Ровены, — говорит Корвин. — Выкуп кровью. Госпожа режет ладонь и проливает кровь на песок, а за её раба выходит её боец. Победит боец, и раб уходит домой.

— А если проиграет?

— Тогда Яма оставит себе обоих.

Тиан смотрит в пол. Сайлас смотрит на Корвина.

— Боец в этом доме один, — говорит Сайлас. — И он сидит в клетке.

— Двое, — говорит Корвин.
— Ровена хочет вас получить. — Я встаю. — А вы собираетесь сами выйти к ней на песок.
— Ровена хочет, чтобы вы выбирали между мной и Брамом. — Корвин смотрит на меня.
— Выберите обоих. Это понравится ей меньше всего.
Сайлас достаёт из сумки флакон тёмного стекла и ставит на стол.
— Кровь на песке открывает Узы до конца боя, Госпожа. Каждый удар по бойцу достанется и вам. Дамы ходят в Яму только после лдянки.
— Возьмите её с собой, — говорю я. — Выпью, когда проиграю спор.
Корвин смотрит на флакон и молчит.

Яма вырыта прямо за пряным рынком. Ветер с рынка приносит на песок запах корицы и гвоздики, и здесь к нему примешивается запах крови.

Ступени спускаются кругами. Наверху лежи под навесами, в ложах сидят дамы с веерами. Ниже на скамьях теснятся горожанки. Ещё ниже, у самого песка, вдоль стены стоят клетки.

Брам сидит в крайней. Клетка ему мала, и колени упираются в подбородок. Правую руку он держит сжатой в кулак. Увидев меня, он пробует встать на колени, ударяется головой о прутья и остаётся сидеть.

Распорядительница Ямы встречает меня у края песка. Леди Гедда широкая, в кожаном переднике, за ухом у неё перо, под мышкой толстая книга.

— Выкуп кровью? — Она листает книгу. — Последний раз так выкупали раба при моей матери. Дама была из Дома Сарн, и боец у неё проиграл.

— Мой выиграет.

— Все так говорят, леди Вейр. — Гедда протягивает мне нож с костяной рукоятью. — Ладонь.

В школе я отворачивалась, когда медсестра делала девятому «Б» прививки. Сейчас на меня смотрят триста человек, и ладонь я режу себе сама.

Кровь капает на песок. Камень в ошейнике Корвина вспыхивает белым, и у меня в горле начинает стучать второй пульс, чуть быстрее моего.

В верхней ложе сидит Ровена в чёрном с серебром. Она поднимает фляжку в мою сторону и отпивает.

Против Корвина выходит Хорт, лучший боец Ямы. Он на полголовы выше, у него щит и короткое копье. Корвин выбирает нож и обматывает левую руку рубашкой. Потом проводит пяткой черту на песке и встаёт за ней.

Северяне в ошейниках, которые ровняли граблями песок у стены, опускают грабли.

Хорт бьёт первым. Край щита приходится Корвину по рёбрам, и боль приходит ко мне, под рёбра. Я хватаюсь за перила.

Один.

Копье задевает Корвину плечо. Горит моё плечо.

Два. Три.

В первую ночь в купальне я считала рубцы у него на спине и сбилась после десяти. Сегодня я считаю удары.

Я вижу как его истязают и уже жалею, что послушала его и отправила в бой.

Корвин кружит низко, против хода солнца, и ждёт. Удары он принимает на обмотанную руку, на плечи, на рёбра. На шестом колени у меня начинают дрожать. Ноэль встаёт у меня за плечом и берёт под локоть. Сайлас становится с другой стороны и кладёт два пальца мне на запястье.

На девятом ударе щит приходится Корвину в скулу. Скула у меня немеет.

— Девять, — говорю я.

Сайлас смотрит на меня с тревогой.

Из носа у меня течёт кровь. Ноэль подаёт платок, я прижимаю его к лицу и продолжаю считать. В ложах раскрываются веера. Дамы смотрят на песок, потом на меня, потом снова на песок.

Двенадцать.

Сайлас вкладывает мне в свободную руку флакон.

— Глоток, Госпожа. Не стоит терпеть.

Стекло холодное. Я возвращаю флакон ему в ладонь.

Сама не понимаю почему, но не могу оставаться невредимой, когда Корвину так больно.

Пятнадцать. Шестнадцать.

Семнадцатый удар Хорт наносит древком поперёк спины, по старым рубцам. На семнадцатом ударе в ту ночь остановилась Иссара. Я опускаюсь на колени у края песка, прямо туда, где темнеет моя кровь.

Корвин оборачивается. Он видит меня на коленях, с красным платком у лица, и перешагивает свою черту.

Хорт бьёт копьём. Корвин ловит древко под мышку, шагает вплотную, к самому щиту, и через миг Хорт лежит на спине, а нож Корвина стоит у его горла.

Ряды кричат. Второй пульс у меня в горле замедляется, и боль уходит вместе с ним.

— Кровь решает, леди Вейр, — говорит Гедда.

Все смотрят на меня. Хорт из-под ножа тоже.

Ноэль помогает мне подняться. Платок у меня в руке красный насквозь.

— Пусть живёт, — говорю я. — Мёртвого вы запишете на мой счёт, Гедда, а у меня сегодня и так большие траты.

Гедда хохочет и пишет что-то в книге. В ложах шипят. Сквозь шипение я различаю слово «мягкая».

Корвин убирает нож и идёт к воротам. Старый северянин с граблями открывает ему створку. На запястье у старика повязан клок серого меха. Когда Корвин проходит мимо, старик наклоняется к нему и говорит два слова, тихо, на языке, где все звуки твёрдые.

Корвин бледнеет, и синяк у него на скуле проступает темнее.

Гедда отпирает клетку. Брам выбирается из неё по частям: сначала ноги, потом плечи, потом голова. Он подходит ко мне и опускается на колени на песок. Потом разжимает кулак. Пальцы у него затекли и разгибаются по одному.

На ладони лежит смятый кулёк. Внутри красные нити шафрана.

— Шафран, — говорит Брам. — Сам выбрал. Для вас.

Я надеваю ему на шею знак Дома. Бронза ложится рядом с белым камнем. Брам берёт мою порезанную руку в свои ладони, отрывает полосу от подола рубашки и перевязывает. Узел у него выходит аккуратный.

— Брам ваш, Госпожа.

Мы поднимаемся по ступеням. Ложа Ровены уже пуста. Веера в соседних ложах поворачиваются нам вслед, и на середине лестницы я слышу за спиной шёпот:

— Весь бой её трясло.

— Из-за северянина?

— Ты видела её лицо?

Наверху лестницы, у колонны, стоит Корвин. Рубашка на нём разорвана от ворота до пояса. Бровь рассечена, кровь засохла на скуле тёмной коркой. На плече сквозь ткань проступает свежее пятно. Бронзовый знак Дома висит у него на шее, на чёрном шнуре, и шнур тоже в крови. Он смотрит на меня так, будто это я принадлежу ему. Шёпот за спиной обрывается.

Я поднимаюсь на последнюю ступень, и в глазах темнеет. Брам бросается ко мне. Корвин успевает раньше.

Он подхватывает меня одной рукой под спину, другой под колени и поднимает. Лицо его остаётся спокойным.

— Поставь меня. Ты сам еле стоишь.

— Как прикажете, Госпожа. — Он перехватывает меня поудобнее. — У кареты.

В соседней ложе кто-то ахает. Веера замирают все разом.

— Как она этого добила? — восклицает какая-то дама.

— Без приказа, — подхватывает другая. — Я тоже так хочу.

Корвин идёт по галерее неторопливо, будто его не волнуют десятки глаз, обращённых на нас.

Я обхватываю его за шею порезанной рукой. Пальцы попадают в мокрое. Повязка пропитывается кровью и становится тяжёлой. Щека ложится ему на грудь, там под кожей бьётся жилка.

Как же вкусно от него пахнет.

Я выдыхаю ему в шею. Корвин сбивается с шага. Пальцы под коленом сжимаются.

— Что у вас в кулаке? — Голос у него ниже обычного.

— Шафран. Брам принёс.

— Щедро, — бросает Корвин и глаза его полыхают. — Для того, кто утром сидел в клетке.

— Придержи язык. Ты истекаешь кровью.

— Слушаюсь, Госпожа.

У кареты Брам распахивает дверцу и отступает на шаг.

— На козлы, — бросает Корвин через плечо.

Брам уходит к козлам. С ним остальные рабы.

Он поднимается в карету вместе со мной и опускает меня на сиденье. На светлом шёлке остаются красные отпечатки его ладоней. Сам он встаёт на колени у моих ног. Места на полу ему едва хватает. Дверца захлопывается, карета трогается.

Корвин берёт мою щиколотку в ладонь. Пальцы смыкаются на ней целиком. Он ведёт ладонь вверх, под подол, до середины икры и останавливается. На коже за его пальцами тянется тонкий красный след.

— Руки, — говорю я.

— Вы ранены, Госпожа. Я проверяю, целы ли ноги.

Ладонь поднимается ещё выше.

Он смотрит на меня снизу вверх, как положено рабу. Кровь с брови стекает ему в ресницы, он даже не моргает. Взгляд у него хозяйский.

— Весь бой вас трясло, — говорит он. — Почему не приняли меры?

Карету подбрасывает на брусчатке, и его пальцы сжимаются у меня под коленом.

— Отвечайте, Госпожа.

Не понимаю, что ему сказать. Приказываю остановить карету и зову Сайласа, чтобы промыл нам раны. Он набирает воду из ручья и говорит, что дома лучше всё обезвредить. Обещает принести целебную мазь.

Сайлас промывает мне ладонь, а Корвину плечо.

— Что сказал вам старик у ворот? — спрашиваю я.

— Что Хорт левша.

— Хорт держал копье в правой.

— Значит, старик ошибся. — Корвин закрывает глаза и откидывает голову к стенке кареты.

Сайлас поднимает на меня взгляд поверх бинта и снова опускает.

К замку мы подъезжаем, когда над башнями уже темно. Брам спрыгивает с козел первым и подаёт мне руку. Корвин выходит следом и встаёт у меня за плечом.

— Агна, купальню, — приказываю я. — Горячую.

— Уже грею, Госпожа.

Я оборачиваюсь к Корвину.

— А ты ступай в нижнюю купальню. Туда, где моются остальные.

— Слушаюсь, Госпожа.

Он кланяется ниже, чем требуется, и уходит.

Агна наливает воду в каменную чашу, бросает горсть сушёной лаванды и помогает мне выбраться из платья. Шёлк присох к икре там, где тянулся красный след, и отходит с трудом. Агна уносит платье и ворчит, что теперь оно годится только на тряпки.

Я остаюсь в одной сорочке. Ставлю ногу на первую ступень, и пол уезжает вбок. Лампа плывёт.

Меня ловят под локти.

— Сайлас прислал мазь, Госпожа, — говорит Корвин и его дыхание обжигает мочку уха. Рубашка на нём всё та же, рваная. Банка с мазью катится по полу.

— Я велела тебе мыться.

— Вымоюсь. После вас.

Он поднимает меня на руки, опускает в воду на нижнюю ступень и встаёт на колени у края. Вода доходит мне до груди. Сорочка вздувается пузырьком, потом намокает и облепляет тело. Корвин смотрит на неё одно мгновение. Потом берёт ковш.

Сначала он развязывает кровавую повязку. Узел поддаётся с третьего раза. Корвин держит мою ладонь в своей и льёт на порез тонкую струйку. Щиплет. Я шиплю сквозь зубы, и он дует мне на ладонь. Дыхание у него горячее.

Ковш опрокидывается мне на плечи. Вода бежит по шее, за ворот. Корвин собирает мои волосы в кулак, поднимает их и поливает затылок. Его пальцы проходят по позвонкам до лопаток. Я закрываю глаза.

Ладонь уходит под воду и находит мою щиколотку. Поднимается ладонью по икре той же дорогой, что в карете. По коже у меня бегут мурашки. Становится опасно.

Я открываю глаза.

— Вон.

— Если вы утонете, Госпожа, меня казнят.

— Если ты сию минуту не выйдешь, я затащу тебя в эту воду и вымою сама.

Корвин остаётся на коленях. Рассечённая бровь ползёт вверх.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.